

Литературоведческие трактовки «Тихого Дона» М. Шолохова

Как было уже сказано выше, официальная, главным образом рапповская критика, с большой осмотрительностью и определенным недоверием относилась к творчеству писателя. Его концепция революции, данная в «Тихом Доне», никак не укладывалась в жесткую схему, которая уже утвердилась к концу двадцатых годов. Положение дел существенным образом изменилось в 40—60-е годы: появились монографии, посвященные М. Шолохову (В. Гоффешер. Михаил Шолохов. М., 1940; В. Гура. Жизнь и творчество М. Шолохова. Пособие для учителей. М., 1955; И. Лежнев. Михаил Шолохов. М., 1948; Л. Якименко. «Тихий Дон» М. Шолохова. М., 1978; Литвинов В. Михаил Шолохов. М., 1985; Петелин В. Михаил Шолохов: Страницы жизни и творчества. М., 1989 и др.), постоянно расширялся круг проблем, связанных с творчеством писателя, менялись аспекты исследования. К шестидесятым годам советские литературоведы осознали, что без категории трагического анализировать художественный мир писателя невозможно. Выход был найден Л. Якименко, одним из ведущих интерпретаторов творчества М. Шолохова. Он исходит из того, что в «Тихом Доне» переплетены два пафосных начала: героическое и трагическое. Героика в романе связана с изображением «революционного народа», с созданием образов коммунистов (Штокман, Гаранжа, Бунчук, Котляров, Михаил Кошевой), утверждением идей «революционного гуманизма». Трагедия же связана с образом главного героя эпопеи — Григория Мелехова. Эволюция психологии и сословно-собственнических предрассудков в душе Мелехова, победа последних приводит к нравственному опустошению героя: «Великая человеческая правда, утверждаемая в жизни революционным народом, столкнется в душе Григория в смертельной схватке со злобной, мрачной силой многовековых навыков и привычек собственнического мира, сословных чувств. «Своевольный и веселый парень» проделает страшный, тернистый путь, на котором будет много утрат и невозвратимых потерь. Борьба против народа, против великой правды жизни приведет к опустошению и бесславному концу. На развалинах старого мира встанет перед нами трагически сломленный человек, — ему не будет места в начинающейся новой жизни».

Трагедия Мелехова, его трагическая вина, по мнению Л. Якименко, состоит в непонимании закономерностей истории, в том, что герой вступает в конфликт с

прогрессивными силами эпохи. Такое прочтение художественной концепции «Тихого Дона» в течение десятилетий главенствовало в советском литературоведении.

В настоящее время известны примеры совершенно иных интерпретаций «главной книги» М. Шолохова, которые прежде, по вполне понятным причинам, не могли появиться на родине писателя.

Так, Э. Симмонс считает, что основным двигателем «Тихого Дона» стал темперамент яркого индивидуалист, легендарная казачья независимость. Как здесь не вспомнить адресованную Шолохову известную эпиграмму 60-х годов: «Такая вот казацкая натура — не он за ней, за ним — литература». Э. Симмонс считает, что главная задача М. Шолохова в «Тихом Доне» — отнюдь не изображение пути казачества в революцию, но повествование о том, как революция уничтожила казачество. Не случайно, по мнению американского исследователя, в центре эпопеи — история гибели пяти казачьих семей. Но проблематика «Тихого Дона» не исчерпывается трагедией казачества, вся книга пронизана не свойственной времени, но свойственной Шолохову просто жизненной философии: потребность человека любить и быть любимым выше догматической классовой ненависти.

Югославский ученый Милослав Бабович в работе «Мировое значение «Тихого Дона» М. Шолохова» настаивает на уникальности книги для литературного двадцатого столетия, ибо в центре ее — народная трагедия, герой ее — неотделим от народа, он есть плоть и кровь казачества, истинный его представитель. Поэтому критерий характера Григория Мелехова — чувство и поступки, действия, этими чувствами подготовленные. Его мир, безусловно, не мир интеллектуала, он не столько духовен, сколь душевен. И мир «Тихого Дона» — это мир, которым правят чувства, душевность и поэзия.

Ученый аргументированно показывает, что авторская оценка ВСЕХ героев и ВСЕХ эпизодов определяется не по принципу «красные» и «белые», а исходя из способности героев любить, трудиться, быть искренними в поступках и чувствах. И, конечно, «любовь — как мера личности — важнейший критерий ценности человека. Так, обостренное чувство справедливости заставило Григория «умориться душой» в выборе между «правдой красных» и «правдой белых», а всепоглощающая любовь — страсть к Аксинье выделил его из всех равных и во многом определила судьбу. Способность профессионального революционера Бунчука любить окрашивает этот образ в особые человеческие тона, а неспособность Михаила Кошевого, также принадлежащего к стану красных, сделать любимую женщину счастливой, заставила задуматься о неоднозначной оценке автором этого героя. С одинаковой горечью и сочувствием М. Шолохов описывает и гибель Подтелкова, и самоубийство Коледина.

Как из небытия возникает казачий хутор в самом начале романа: «Мелеховский двор — на самом краю хутора. Воротца со скотного база ведут на север к Дону. Крутой восмисаженный спуск меж замшелых в прозелени меловых глыб, и вот берег: перламутровая россыпь ракушек, серая изломистая кайма нацелованной волнами гальки и дальше — перекипающее под ветром вороненой рябью стремя Дона. На восток — за красноталом гуменных плетней Гетманских шлях, полынная просесть, истоптанный конскими копытами бурый, живущий придорожник, часовенка на развилке; за ней — задернутая текучим маревом степь. С юга — меловая хребтина горы. На запад — улица, пронизывающая площадь, бегущая к займищу».

В первом абзаце повествования все значимо: и точное описание основного места действия романа — мелеховский двор, и модное дыхание Дона, и Гетмановский шлях, соединяющий хутор со всем миром, и часовня на развилке... М. Бабович обратил внимание на то, что христианской, православной символикой буквально насыщена художественная ткань романа: постоянно звучит колокольный звон, церковные песнопения, отрывки из Евангелия, нередко описания церковных служб, православных соборов, богослужений. Его герои никогда не забудут перекреститься, прежде чем поднести ложку ко рту.

Ученый обратил внимание и на четкую кольцевую композицию этого масштабного повествования, которая тоже крепится библейской образностью. Пролог романа рисует жесткую оценку расправы хуторян с турчанкой, женой Прокофия Мелехова. После бессмысленного убийства жизнь не прерывается: остается отец с сыном на руках: «Прокофий, с трясущейся головой и остановившимся взглядом, кутал в овчинную шубу попискивающий комочек — преждевременно родившегося ребенка». Аналогичен финал эпопеи: Григорий и его сын, сын на руках у отца: «Он стоял у ворот родного дома, держа на руках сына. Это все, что осталось у него в жизни, что пока родило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Итак, в центре «Тихого Дона» — вечная проблема жизни и искусства: продолжение жизни через утраты, кровь, страдания. Но жизнь всегда побеждает разрушение и смерть. ОТЕЦ держит НА РУКАХ сына на пороге своего ДОМА.

ЛИТЕРАТУРА

- Медведев Р. Куда течет «Тихий Дон»: Главы из книги // Вопросы литературы. — 1989. №8.
- Ермолаев Г. О книге Р. А. Медведева «Кто написал «Тихий Дон»? // Вопросы литературы. 1989.№8
- Симмонс Э. Он избрал свой путь // Вопросы литературы. 1990. №5.
- Хьетсо Г. Авторство «Тихого Дона» // Вопросы литературы. 1990. №5.
- Макаров А. Г., Макарова С. Э. К истокам «Тихого Дона» // Новый мир. 1993. №5-6.
- Бекедин П. Срочно требуется автор «Тихого Дона» // Дон. 1994. №2-3.

ИСТОЧНИК

- Русская литература XX века: проблемы и имена: Книга для учителей и учащихся // Л. П. Быков, А. В. Подчиненов, Т. А. Снигирева. — Екатеринбург, 1994. — С. 134-145. — (УрГУ им. А. М. Горького: НИИ русской литературы)